

Марина Молоцова

проза
лирика

Крупинки радости

Керчь
2013

Марина Молоцова
Крупинки радости
проза, лирика

ББК - 84 (Крым. - рус.)
М 262

Марина Молодцова. «Крупинки радости». Проза, лирика.
«КГЛито «Лира Боспора» 84 стр. 2013 г.

Редактор А. Н. Вдовенко

Макет, корректор: Т. Левченко
обложка: Сергей Молодцов (мл.),
Иллюстрации: интернет

*В новой книге керченского автора Марины Молодцовой одна, главная, тема: умение жить и радоваться жизни. Все произведения, включённые в издание, – и проза, и стихи пронизаны неиссякаемым оптимизмом.
Книга рассчитана на широкий круг читателей*

ISBN 978-070-482-734-4

© «КГЛито «Лира Боспора» – макет, дизайн 2013 г.
© Молодцова М. В. – текст 2013 г.
© Молодцов С. мл. – обложка, 2013 г.

Марина Молоцова

*Мужу,
Молоцову
Сергею,
посвящается*

Крупинки радости

проза, лирика

Керчь
2013

Марина Молодцова

Родилась 03.12.1944г. в России (Катужская область). Закончила Катужский техникум пищевой промышленности (парфюмерно-косметическое производство) и Уральский госуниверситет (химия) в г. Свердловске. В Керчи с 1976 года. Работала преподавателем химии в институте торговли, руководителем городской школы юнкоров, экскурсоводом, руководителем краеведческого кружка городской станции юных туристов. В настоящее время директор керченской структуры компании «Фаберлико», член литобъединения «Лира Боспора».

Печаталась в городских и крымских газетах, сборнике поэзии «Пространство любви» (Симферополь), в альманахах: «Истоки» (Москва), «Лира Боспора» выпуски 4–12 (Симферополь), «Поэтическая карта Крыма» (Симферополь), «Золотая Лира» (Керчь), «Крылатая душа» (Симферополь). Автор сборника стихов и прозы «Хочу быть счастливой» (Керчь, 2012 г.)

Школа радости

Умеем ли мы радоваться?! Хороший вопрос! Сложный. Вроде бы и да, но постоянно что-нибудь мешает. А вот Марина Молодцова не только сама умеет, но и приглашает научиться этому всех читателей своей новой книги. Вместе с автором будущие читатели пройдут «заочную школу радости»:

«...надо не только самому находить маленькие радости, но и делиться ими с окружающими...»

Именно так и поступают герои произведений Марины Молодцовой. Это и Галина Александровна из рассказа, давшего название всей книге:

«И несколько раз, за время их беседы, Галина Александровна повторяла: «Я – самый счастливый человек на свете!»»

От этих слов у Татьяны щипало в глазах, перехватывало дыхание. Часто ли она слышала от людей здоровых, красивых, с руками и не на костылях, такие слова? Чаще всё-таки люди на что-то жаловались, что-то требовали, чем-то возмущались – всё им было плохо. За годы работы с людьми, ей, как никому, приходилось сталкиваться с негативом».

И Таня из этого же рассказа:

«Таня повторяла про себя, как заклинание:

«Я – самый счастливый человек на свете! У меня есть: руки, ноги, крыша над головой, любимое дело, любимая семья и множество друзей. Всё хорошо! Жизнь – прекрасна! Она нам дарит крупинки радости и они, как драго-

ценные камни, украшают нашу жизнь! Надо только искать эти крупинки, уметь их находить и накапливать!»

Таковы же и Елена и Владимир из рассказа «Остров любви» – сильные, стойкие люди, которые, пройдя через все жизненные испытания, выпавшие на их долю, всё-таки не теряют способности быть счастливыми и радоваться простым человеческим радостям:

«...Жили трудно, скромно, но счастливо. Негатив, творившийся в стране и разливающийся вокруг, обходил стороной их маленький островок любви и радости, который они создали сами. Елена и Владимир».

Из того же ряда и бабушка Анна Васильевна в рассказе «Отстой»:

«Жизнь прекрасна, несмотря ни на что. Надо жить. Я нужна внуку, дочке. Всё будет хорошо». С этими мыслями, умиротворённая Анна Васильевна заснула, чтобы на следующий день проснуться и жить дальше. В этом её противостояние».

Даже в, казалось бы, уж совсем нерадостном стихотворении «Крик души» радость присутствует. Радость оттого, что депутаты не могут прожить в месяц на сто евро, а народ, наперекор всему, всё-таки живёт:

*Как надоела ложь теледебатов.
Там обсуждают, как нам дальше быть.
А вы смогли бы, дорогие депутаты,
На сотню евро целый месяц жить?*

Правда, это – радость ироническая.

В целом же, надо сказать: книга Марины Молодцовой продолжает оптимистический настрой её первой книги «Хочу быть счастливой». И это - замечательный настрой. Особенно на фоне почти сплошного негатива, что несёт нам Интернет.

Пусть же дорога новой книги к своему читателю будет лёгкой.

Алексей Вдовенко

*Руководитель Совета «КГЛито «Лири Боспора»,
Член Союза российских писателей,
Союза русских писателей Восточного Крыма,
Межнационального союза писателей Крыма*

От автора

Как-то на улице я встретила Василия Яковлевича Маковецкого, – известного керченского писателя.

На его вопрос: «Как жизнь?» Я ответила: «Жизнь состоит из больших неприятностей, которые на нас сыплются сверху, и маленьких радостей, которые мы сами себе организуем».

«Сама придумала?»

«Сама».

«Молодец!»

«Фамилия обязывает».

Мы оба рассмеялись.

И вот с тех пор я периодически задумываюсь о том, что в жизни людей действует второй закон термодинамики – «Сила действия равна силе противодействия», то есть, чем больше давят на нас, тем больше мы должны им противодействовать. Наваливается негатив со всех сторон – находи положительные эмоции, ищи крупинки радости во всём и тогда ты выживешь в условиях принципа равновесия.

Принцип Ле Шателье никто не отменял: «Если на систему, находящуюся в равновесии, подействовать извне, система стремится к противодействию, чтобы не было смещения равновесия».

А мы – люди, и есть та система.

Я прочитала интервью с Ольгой Аросевой, и оно меня укрепило в своих умозаключениях окончательно. Вот некоторые выдержки из него:

«Есть такая пословица», – говорит Аросева, – «Пессимист страдает дважды. Первый раз – когда ожидает плохого события, и второй – когда оно случается».

Далее она продолжает: «Полностью с этим согласна. Да и потом, надо самому учиться радоваться жизни и получать от каждого мгновения удовольствие. Вкусно покушал, приятно пообщался с другом или хорошо сложился рабочий день – радуйся!»

Но надо не только самому находить маленькие радости, но и делиться ими с окружающими.

Так и возникла необходимость поделиться этой темой с вами, дорогие читатели.

Марина Молодцова.

ΠΡΟ 3Α

КРУПИНКИ РАДОСТИ

*«Душа живёт тем, чему радуется»
Аврелий Августин.*

Татьяне не впервой сопровождать группу туристов в поездке. На сей раз маршрут был комбинированный. Поезд до Волгограда, затем теплоходом: Волгоград – Астрахань – Казань – Волгоград. И снова поездом – домой, в Крым.

Вся прелесть этого маршрута заключалась в том, что свои обязанности руководителя группы, она должна была исполнять только на железнодоро-

рожном отрезке пути. А вот всё, что по Волге... — она на правах отдыхающих. Группы поступали в распоряжение Волгоградского бюро путешествий и экскурсий. А на теплоходе целый штат обслуживания туристов.

«Вот и пусть поработают, а я, наконец-то, отдохну целых десять дней!» — с улыбкой подумала Таня.

...За время пребывания в поезде она познакомилась с группой, а их ни много — ни мало тридцать человек. Коллектив оказался разношёрстным, но более-менее нормальным. Не было «битвы» за нижние полки, не возмущались доставшимися боковыми. Как всегда оказалось на две трети — женщины. За долгие годы в туризме Татьяна уже привыкла, что женщины более любознательные в этом смысле: всё им хочется посмотреть, все магазины обегать, а может и познакомиться где-то с кем-то. Уж очень много одиноких было в поездках.

Правда бывали и семейные пары, но зачастую держались особняком. Иногда попадались в сборных группах целые компании. Тогда она в любых вопросах опиралась на них, как на костяк, при решении конфликтных ситуаций, а бывало таких ситуаций — пруд пруди. До Волгограда доехали без приключений. Их группу встретил представитель Волгоградского бюро, посадил на автобус и доставил на причал.

Приехали они утром и до вечера предполагалось устройство на теплоходе. Таня, в силу своего характера и должности, всегда старалась ладить с группой, сглаживать возникающие трения и решать различные вопросы. Но сейчас решила поставить группу в известность о своём статусе простого туриста на время путешествия по реке.

«Всё, дорогие мои», – сказала она – «На теплоходе я такая же отдыхающая, как и вы и все вопросы-к методисту маршрута».

Расселились сравнительно спокойно, так как в стоимости путёвки оговаривался класс кают. Группа расползлась по всем палубам: кто-то расположился на верхней палубе, кто-то на средней, а кто-то почти в трюме. Татьяна тоже была обязана купить путёвку, но так как с деньгами всегда было туго – решила взять место подешевле. Рассудила так: там она будет просто спать, а питание и все мероприятия, для всех одинаковы, без ущемления.

В шестиместной каюте, куда определилась Таня, подобрался разнокалиберный женский коллектив: две подружки студентки; две одинокие пожилые женщины, которые ещё в поезде познакомились, так как места были рядом и вроде как подружились и – особа неопределённого возраста, которую как-то все дружно прозвали – «Кошка сама по себе».

Вечером объявили по радио, что все группы в сборе и после ужина теплоход отправится в путь, вниз по течению, до Астрахани, останавливаясь днём на зелёной стоянке, для купания.

Поскольку день был суматошный, пока более десятка групп прибывали и устраивались на борту, руководство объявило, что после ужина предлагают всем отдыхать, а вся культурная программа начнётся на следующий день.

Ужинали в ресторане. Питание было отличное. Что особенно нравилось сейчас Тане – то, что она сейчас могла по настоящему насладиться ужином. Не надо было раздавать никакие талоны и утрясать мелкие неурядицы с кафе и столовыми.

Пожелав своей группе спокойной ночи и ещё раз напомнив, что она теперь отдыхающая, Таня решила прогуляться по теплоходу, подышать свежим воздухом, посмотреть на вечернюю зарю. Теплоход, дав прощальный гудок Волгограду, плавно отчалил и по его бортам, справа и слева, поплыли волжские берега.

«Хорошо-то как!» – восторгалась про себя Таня, – «Благодать!»

Она отправилась в неспешное путешествие по палубам. В свой «трюм» спускаться не хотелось, и она наслаждалась окружающими красотами и мощью реки. Народу на палубах было немного – сказывалась дневная усталость от первого дня. В

бильярдной катали шары несколько мужчин, кое-где встречались парочки, из некоторых кают доносились звуки продолжающегося «ужина», но во многих света уже не было. Вымотавшиеся туристы отдыхали.

Посвежело. Таня поёжилась. Но уходить не хотелось. «Погуляю ещё немножко и сразу лягу. Не хочу ни с кем общаться. Пусть мозги отдохнут», – решила она и пошла в сторону кормовой палубы.

Уже было довольно темно. В отдалении прощально мигали огоньки окраин Волгограда. Прохлада окутывала величавую матушку Волгу. Было тихо, покойно, уютно. Кормовая палуба, казалось, была пуста. Таня сначала не заметила одинокую женскую фигурку, закутанную в плед, тихо сидящую в полумраке. Подойдя поближе, она увидела, что женщина сидит в инвалидной коляске и отстранённо, не обращая внимания ни на что окружающее, смотрит вдаль. Тане стало как-то не по себе.

«Как её оставили одну в её положении?» – подумала она. Подошла поближе, тихо поздоровалась и поинтересовалась – не нужно ли чем помочь.

Женщина, очнувшись от своих мыслей, посмотрела на Таню такими глубокими и выразительными глазами, наполненными болью и сумасшедшим блеском, что даже темнота не смогла по-

мешать увидеть этот взгляд и прочувствовать его глубину.

«Что?» – спросила женщина – «Ах, да. Спасибо. Всё хорошо. Я попросила подруг оставить меня одну. Они вскоре подойдут».

«Простите, что нарушила ваше уединение». – сказала Таня, – «Не буду вам мешать!»

«Нет, нет. Оставайтесь. Мне так хочется поделиться с вами своими ощущениями человека, приговорённого к казни и неожиданно получившего помилование!» – обратилась к ней женщина.

Таня в душе содрогнулась от ощущения всеобъемлющего горя и боли. В горле застрял комок, губы пересохли. Смысл сказанного ей – ошеломлял. И она с осторожностью произнесла: «Хорошо. Меня зовут – Таня. Давайте знакомиться».

«Галина Александровна», – представилась женщина – «Я журналист, живу в Волгограде».

Постепенно они разговорились. Но говорили не о том, как оказалась в инвалидной коляске Галина Александровна, а о жизни, её красоте, о замечательных людях. И несколько раз, за время их беседы, Галина Александровна повторяла: «Я – самый счастливый человек на свете!»

От этих слов у Татьяны щипало в глазах, перехватывало дыхание. Часто ли она слышала от людей здоровых, красивых, с руками и не на костылях, такие слова? Чаше всё-таки люди на что-то

жаловались, что-то требовали, чем-то возмущались – всё им было плохо. За годы работы с людьми, ей, как никому, приходилось сталкиваться с негативом.

Их беседу прервали две подошедшие к ним женщины среднего возраста. Приветливо поздоровавшись с Таней, представились: «Мария», «Наталья». Поблагодарили:

«Спасибо, что не дали скучать нашей Галочке! Ты не замёрзла, случаем, Галя? Уже поздновато, пора и на покой, Солнышко!»

Заботливо подвернув плед, они развернули коляску и попрощались с Таней: «До завтра, Танюша! Спокойной вам ночи! Наша каюта № 12 здесь, на верхней палубе. Будет время и желание – заходите в гости!»

«Непременно воспользуюсь вашим приглашением! Галина Александровна – прекрасный собеседник! Добрых вам снов!», – с улыбкой ответила Таня.

«Действительно – «Солнышко»! – подумала она, вспомнив с каким теплом и искренностью было сказано это слово. Как оно было непохоже на дежурную любезность!

Неожиданное знакомство не давало уснуть Татьяне в эту ночь. Оно перевернуло все её представления о жизни и все последующие десять дней её

отдыха, были наполнены совершенно другим, более глубоким смыслом.

«Не позволяй душе лениться,
Чтоб воду в ступе не толочь.
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь...»

Эти строки Николая Заболоцкого, теперь приходили ей на память чуть ли не каждый день.

...Все десять дней путешествия по Волге были очень насыщены: «зелёные» остановки, города, обзорные экскурсии, мероприятия на теплоходе... Но в любую свободную минуту Таня теперь забежала в каюту №12 и незаметно стала там «своей».

Когда она впервые увидела у Галины Александровны «результаты» экскурсии по Астрахани, то пришла в ужас. Дело в том, что на инвалидной коляске находиться в автобусе было неудобно и Галине Александровне, пришлось при помощи подруг, передвигаться на специальных костылях. Эти костыли имели сложную конструкцию: неподвижные ноги крепились к ним специальными ремнями. Хотя все и помогали входить и выходить из автобуса, но передвигаться по городу Галина Александровна могла только с помощью подруг. Всё усилие было сосредоточено на руках. Но ни единой жалобы или даже лёгкого стоны, она себе не позво-

ляла. Поглощённая рассказами экскурсоводов, Галина Александровна молча и терпеливо сносила мучившие её боли, боясь лишний раз привлечь к себе внимание. И только в каюте, отстегнув костыли, подруги обнаружили у неё пятна крови на блузке – подмышки были стёрты до ужасного состояния.

Раны заживали с трудом. Поэтому в следующем большом порту, скинулись, вместе с присоединившейся к ним Татьяной, на такси и три часа колесили по городу, пользуясь краеведческими познаниями пожилого водителя, оказавшегося на редкость добрым и терпеливым человеком.

Десять дней пролетели незаметно. Весь теплоход проникся историей Галины Александровны. Эта удивительная женщина, каждый вечер собирала на палубе вокруг себя любителей поэзии, песен, весёлых историй, анекдотов, наконец.

...Постепенно в голове у Татьяны выстроилась непростая история жизни Галины Александровны, рассказанная не ею самой, а подругами и не специально, а исподволь. Вот она, эта история человека, для которого каждый день жизни-подвиг.

...Галочка родилась в конце войны у молодой медсестры, которая, закончив медучилище, сразу ушла на фронт, где трижды сама была ранена. Во время последнего пребывания в госпитале, Надя

(так звали маму Галины Александровны) познакомилась с находящимся там же лётчиком Сашей. Вспыхнула любовь, для них – первая и последняя в жизни.

Больших трудов стоило добиться перевода Нади в качестве санинструктора в часть, где служил Александр. Там они и поженились официально. Счастье было – до небес! Но однажды экипаж Александра не вернулся с задания...

Надо было жить дальше, тем более что Надя почувствовала, что она теперь не одна. Когда беременность стала уже заметной, она демобилизовалась. Добралась до Сталинграда, но ни дома, ни самого города практически не было. Одни руины.

Приютили знакомые, которые обосновались в одном из подвалов. Родилась Галочка. Мама вместе со всеми восстанавливала город и получила небольшую, всего 9 метров, комнатку в коммуналке.

Работала она в больнице и часто брала дочку с собой. Налаживался быт. Беда пришла неожиданно-негаданно. Дочка простудилась и вроде бы выздоровела, но – осложнение и, как результат, – полиомиелит. А Галочке всего пять лет... Надя с упорством боролась с болезнью дочери: делала необходимые уколы, массажи, всевозможные процедуры... Девочка начала ходить. Правда, с трудом, но сама. Общительная по натуре, она всегда была окружена сверстниками.

В школу пошла. В прямом смысле – пошла, но на костылях. Все 10 классов ходила сама – никаких надомных учителей. Она была центром в классе. За право сопровождать Галочку, от дома до школы и назад, одноклассники спорили. Наконец, составили список, как на дежурство. Никогда не ощущала Галю себя обделённой или не такой как все. Отличница, большая умница, начитанная – она была неизменным комсоргом класса, а затем и школы. Получила Знак ЦК ВЛКСМ. Мечтала стать журналистом.

Закончив школу с золотой медалью, подала документы на журфак и – первый удар. Документы не приняли. Почему??? В приёмной комиссии её, как ушатом холодной воды окатили: «Журналиста ноги кормят! Слыхали? А какой же из вас журналист – на костылях?»

Друзья не оставили Галину в беде. Подключились и школа, и райком комсомола. Написали в ЦК ВЛКСМ, а у ЦК разговор короткий: дали, кому следует, «щ.у.» и документы были приняты. Из приёмной комиссии на дом к Гале за ними приезжали и долго извинялись.

Единственный экзамен золотая медалистка сдала на «отлично». Затем были: пять лет учёбы, активной общественной работы и, наконец, диплом и свободное распределение.

И вновь начались мытарства. Изо дня в день они, вместе с мамой, объезжали на такси городские редакции газет, журналов, радио, телевидения, многочисленных заводских многотиражек... Везде деликатный отказ. Наконец, нашли место корректора в одной из газет. Что такое корректор? С этим справится даже без диплома любой грамотный человек. Но зато работа сидячая. Правда зарплата всего 60 р. Даже с маминой, медсестринской, полутораставочной – крохи.

К тому времени маме выделили однокомнатную (!), но зато отдельную квартиру на четвёртом (!) этаже. Всё равно, это уже были хоромы: своя кухня, ванная, балкон – красота! Сколько часов провела Галя на балконе, с которого открывался прекрасный вид с кусочком Волги вдалеке. Ах, как она мечтала о путешествии по этой могучей реке! Откладывали с мамой по крохам на путёвку.

Галя много писала. Это были небольшие статьи, рецензии на спектакли, очерки о культурной жизни города. Регулярно они с мамой посещали театр. К тому времени у Гали уже была коляска, что значительно облегчало ей и маме, как посещение театра, так и возможность бывать на концертах и других праздничных мероприятиях города. Галю уже во многих местах знали и оказывали посильную помощь.

...Болезнь не прогрессировала, но и не отпускала. Тело у Галины грузнело и это стало создавать определённые трудности. Худенькая Надежда Алексеевна стойко помогала дочери жить, создавая ей максимально уютные условия. Но и на ней сказались прошлые ранения и стрессовые ситуации. Как-то, в одночасье, мамы не стало. Сердце... К этому времени Галина была уже штатным корреспондентом отдела культуры одной из городских газет. Смерть мамы её подкосила. Но помогли пережить тяжёлый период многочисленные друзья и коллеги по работе. И поэтому она неоднократно повторяла: «Я – самый счастливый человек на свете! У меня много друзей, – настоящих!» А благодаря самым близким подругам – Маше и Наталье – она смогла, наконец, осуществить свою давнюю мечту – отправиться в путешествие по Волге на прекрасном, белом теплоходе...

...Все последующие годы после встречи с Галиной Александровной, Татьяна не теряла её из виду. Была переписка, была даже встреча в Крыму. Галине Александровне удалось получить путёвку в специализированный санаторий им. Бурденко в г. Саки.

Вся жизнь Татьяны поделилась теперь на «до» и «после» встречи с Галиной Александровной. И когда наступали неприятные моменты или испы-

тания – ведь от бед никто не застрахован – Таня повторяла про себя, как заклинание:

«Я – самый счастливый человек на свете! У меня есть: руки, ноги, крыша над головой, любимое дело, любимая семья и множество друзей. Всё хорошо! Жизнь – прекрасна! Она нам дарит крупинки радости и они, как драгоценные камни, украшают нашу жизнь! Надо только искать эти крупинки, уметь их находить и накапливать!»

ОСТРОВ ЛЮБВИ

*«Есть одна забавная вещь в жизни.
Если ты выбираешь только самое
лучшее, то, скорее всего, ты получишь
именно это».*

Сомерсет Моэм.

Как же так получилось, что Елена снова одна? Дважды была замужем. В первый раз вышла по любви и не по глупости, всё-таки 22 года стукнуло. Парней было не очень много, но намечались неплохие партии. Замуж ещё не хотелось, так как решила сначала закончить институт, а просто так встречаться – это не в её правилах.

«Или всё – или ничего», – такой вот она исповедовала принцип.

Подружки уже все замуж повыскакивали, у кого-то дети появились, а Лена, при своей занятости и не заметила, как двадцать второй пошёл. И не мудрено – училась по вечерам, работая уже с семнадцати лет.

Познакомилась со своим будущим мужем, будучи в гостях у сестры Иры, в Крыму, в небольшом приморском городе. Закончился 3-й курс. Взяла отпуск. Хорошо на море!

Тоненькая, светловолосая, очень скромная, но строгая в поведении, с хорошо развитой речью, остроумная и без тени кокетства, Лена нравилась парням. Но, она их незамедлительно отшивала, при малейшей попытке с их стороны, пошловато ухаживать.

Местные парни относились к приезжим девушкам, как к объектам курортных романов.

В этот день вся семья сестры и Лена отдыхали на водной станции. Шустрый пятилетний племянник Вовка не сидел на месте. Без конца доставая из обширной хозяйственной сумки: то пирожок, то яблоко, то конфету, – он нечаянно выронил папины очки, которые, проскользнув сквозь доски настила, моментально нырнули в глубину. Когда папа Станислав вышел после ныряния и узнал о беде, то очень расстроился: без очков он не смог бы работать, а запасных не было. С оптикой в те времена была напряжёнка. Пока закажешь новые, то да

сё... В общем, без очков, как без рук. На шум поднялись знакомые папы и стали успокаивать, мол «будь спок! сейчас нырнём и достанем!» Начались «спасательные водолазные работы». Лена чувствовала себя неловко, попав под раздачу сестриных обвинений, что не уследила за племяшом, пока остальные купались. И она, с активностью включилась в корректировку ныряльщиков, так как сама не то что нырять – плавать толком не умела. Мужики и парни долго ныряли. Наконец, сконфуженные, вылезли на мостки и стали оправдываться: «Очень вода мутная, водоросли, мусор...» Мужики разбрелись, а трое парней уходить не собирались. Видимо Лена приглянулась им, так как они не отходили от неё и продолжали обсуждать варианты поисков. Вдруг, один из них подкинул мысль: «Надо Лёшку позвать! Он где-то тут крутился, у лодочного пирса! Этот достанет – ныряльщик, что надо!»

Вскоре Лёшка был найден. Коренастый, плотного телосложения, загорелый до черноты, с нагловатой рожей (как отметила про себя Лена), выслушав Станислава, вдруг посмотрел на Лену и спросил, обращаясь к ней: «А что я буду за это иметь?»

Станислав, давно зная ребят, так как работали все на одном судоремонтном заводе (правда, Станислав в КБ, а ребята в доке), подстегнул: «Давай, Лёха, ныряй! Потом сочтёмся!»

Сделав небольшую разминку, Лешка забрался на тумбу и, посмотрев на Лену, изящно нырнул. Выполнил он это красиво, почти как Иштиандр, так любимый Леной...

Очки были найдены после второго погружения и водрузились на нос хозяина. Ира оживлённо заохоталась: «Какой ты, Лёшенька, молодец!» Малой, уже почувствовав себя прощённым, побежал по мосткам, размахивая яблоком, зажатым в кулачке, а Алексей подсел к Лене и начал заигрывать: «А от тебя когда «спасибо» получу?»

Её покорило обращение – «тебя». Полчаса как знакомы всего! И она сдержанно ответила: «Большое спасибо!»

«И всё?» – удивился Лёшка – «А в щёчку хотя бы?»

«В щёчку, так просто не целую», – без кокетства ответила Лена.

«Вон как...» – вроде как обиделся парень – «Ну, а погулять вечером тебя можно пригласить?»

«Нет. Я город плохо знаю, да и с малознакомыми парнями не гуляю. Тем более, что у меня очень строгая в этом плане, сестра». – подвела итог в разговоре Лена.

Ира сидела рядом и слышала весь разговор. Широко улыбнувшись, милостиво разрешила:

«Зато мы Лёшу хорошо знаем! Так что сходи, прогуляйся вечером!»

Так с Ириной лёгкой руки всё и закрутилось. Все оставшиеся до конца отпуска дни, Лена проводила с Алексеем, когда он был свободен от работы. Лёша настойчиво уговаривал её на вечерне-ночное купание. Она долго не соглашалась, пока сестра ей не сказала: «Чего ты боишься? Не укусит же он тебя! Ты-девушка серьёзная, держать себя умеешь!» На том и порешили.

Вечерне-ночные купания были прелестны. Тишина. Мерцание огней и звёзд и всякое такое...

Ну, какой парень выдержит? Лена понимала, что играет с огнём, но в себе была уверена. Она воспитывалась в строгости, в простой деревенской семье, где мама твердила ей с 15-ти лет: «Смотри, в подоле не принеси! Такого позора не переживу!»

Вот Лена, таким образом закодированная, дожидая до своих, почти двадцати двух лет, в целомудрии. Со временем мамин код усилился благодаря одному стихотворению, автора которого она, к сожалению, не запомнила:

...Так горел, так спешил,
Думал, если она не уступит,
Сгинет жизнь на Планете
И звёзды сорвутся с орбит.
Снова робость, молчанье, испуг, –
Значит – не любит.
Вот сейчас он уйдёт,

Не узнав, не познав, что любим.
Эта тёмная ночь,
Эта светлая нежность и сила,
Как пылает сирень,
Как сгущается белая мгла...
И она уступила
Поверила и уступила.
И ему и себя, и вселенную всю отдала...
«С добрым утром, любимый!»
Однако недобрые искры
Промелькнули в глазах его,
Ставших. С рассветом, темней.
«Как всё это случилось?
Так быстро... Не слишком ли быстро?
Неужели посмеет он
Плохо подумать о ней?»

Правда, целоваться Лене нравилось. И это всё, что позволяла она себе и парням.

Так и с Лёшей. Целовались, лёжа на полотенцах. Он весь дрожал, она – хоть бы хны. Вдруг он сорвался и бросился в набегающую волну. Пока Алексей был в море, Лена быстренько переоделась в сухое. «Хватит играть с огнём» – приказала она себе и, когда парень вышел из воды, протянула ему, с улыбкой, полотенце: «Пора домой!»

Возвращались в абсолютной тишине. Казалось – говорить не о чем. «Ну, вот и всё». – подумала

Лена – «Правда мама – мужикам нужно только одно». И сразу полегчало. «Всё, всё, всё!» – подвела она итог.

Лёша, как всегда, посадил её в окно (так договорились с сестрой), чтоб никого не тревожить звонками. Лена тихонько пробралась на свой матрасик на полу и, немного поплавав, уснула. Разбудил её Вовка:

«Тётя Лена, тётя Лена! Там дядя Лёша тебе спички принёс!»

«Какие спички? Какой дядя Лёша?» – ничего спросонья не понимая, спросила Лена.

Потом – дошло. Она надела халатик и вышла на улицу. На скамейке сидел Лёша.

«Во сколько ты уезжаешь? Я попробую отпроситься на работе, чтобы проводить», – сразу начал он с вопроса.

«Да не надо, Лёша, не беспокойся, меня проведут».

Парень молча встал, развернулся и ушёл. Но на вокзале он всё-таки появился. Были проводы со слезами и поцелуями. А потом три месяца письма от него, чуть не целыми тетрадками. От неё – чуть меньше.

Зимой он неожиданно приехал к ней. Насовсем. Подали заявление. Была скромная свадьба, а через год родилась дочка, Юленька.

Первый «звоночек» был получен Леной после рождения дочери.

«Знаешь», – сказал ей как-то муж – «меня тут просветили маленько. По всем расчётам у нас должен быть мальчик (он действительно хотел и был настроен на сына), а если дочь – значит не моя».

У Лены кровь ударила в виски. И это после того, как муж узнал, что он у неё первый мужчина?

Правда с его стороны были полушуточные (а теперь она поняла, что не совсем полушуточные!) намёки на то, что некоторые делают себе невинность с помощью хирургов.

«Видимо в твоей жизни не было невинных девушек, вот ты и не веришь, что такое бывает!» – говорила ему Лена.

«Ну, в 12 – 14 лет – бывает», – протягивал с недоверием он – «но чтоб в двадцать два...»

«Считай, что встретил исключение!» – пыталась отшутиться Лена.

И вот – сегодняшнее заявление...

«И кто же это, такой «учёный», тебя просветил?» – с иронией спросила Лена – «У нас что, новые методики по определению пола ребёнка появились? Расчёты на числах и гадание на датах? Так надо этого «гения» к Нобелевской премии представлять!»

Муж смутился и пошёл на попятную:

«Да ладно тебе кипятиться! Считай это неудачной шуткой. Просто у нас на работе одна женщина говорит, что так уже трижды определяла. Без ошибок! Ну и мне посчитала...»

«Зубы я бы ей посчитала и волосёнки на глупой голове!» – трясло Лену – «И как ты-то на эту явную дурость повёлся? Ведь на идиотов всё рассчитано!»

«Ну, ладно, Ленок, прости. Так, помутнение нашло...»

Замяли. Но начались дикие вспышки патологической ревности. Муж ревновал ко всем и ко всему. Придирки по поводу, «...а почему тот мужик на тебя смотрит?», «...а чего этот парень тебе место в автобусе уступил?» и тому подобное, понемногу доводили Лену до бешенства. Да если бы она хоть давала какой-то повод для ревности!

Сколько раз она, исподволь, заводила разговор о том, что ревность – это комплекс неполноценности, что если любишь, то доверяешь и веришь. Ничего не менялось.

Точку Лена поставила тогда, когда Лёша влепил ей пощёчину после вопроса: «Откуда у тебя на шее засос?»

«О чём ты, какой засос? Пятно осталось – краску оттирала! Я тебе этого никогда не прощу!» – кричала, рыдая Лена. Она и так была вся на нервах – через две недели предстояла защита диплома.

Жила как в кошмарном сне: маленький ребёнок, диплом на носу, хронически не высыпалась... Как она всё это выдержала?

Получила диплом. Заказала билет. Уехала с Юленькой к маме в деревню. Оставила на время дочку у мамы и поехала устраиваться на работу в близлежащий областной центр.

Забыть. Не думать. Жить. Загрузила себя по уши. Днём работа в НИИ, вечером – работа преподавателем в одном из институтов. В конце недели – поездка на два дня к дочке. И так, пока не получила комнату и не перевезла дочку с мамой к себе. Потекла ровная жизнь – без мужчин.

...Со вторым своим мужем Елена познакомилась при прозаических бытовых обстоятельствах. Комната, которую она получила, до её заезда была телефонизирована, но когда поменялся владелец, телефон был отключён, так как АТС была ведомственная, от железной дороги. Лена записалась на приём к соответствующему начальнику и когда зашла в кабинет, то увидела перед собой пожилого (как ей тогда показалось), хмуроватого мужчину. Изложив свою просьбу, она внимательно посмотрела на начальника. Тот начал задавать ей вопросы, которые, как ей казалось, не имели к телефону никакого отношения. Выяснив, что Елена разведена, имеет дочку, пожилую мать, мужчина с интересом стал смотреть на неё. Он обещал подумать, но для

решения вопроса она должна была принести ходатайство из своего НИИ о производственной необходимости установки телефона, ну, прямо без него, мол, жить и работать нельзя.

Лена всё поняла. Ходатайство она, конечно, составила красочное ибо письма деловые писать умела обстоятельно. Этому она обучилась по ходу своей работы, требующей, кроме того, частых поездок в командировки, по внедрению в производство новых разработок её отдела.

Но одним ходатайством дело не закончилось. Начальник гонял за другими справками и ей неоднократно приходилось посещать его кабинет. Как-то незаметно познакомились. Сначала Лена думала, что нужна взятка, но как её дать – она не имела представления, да и денег в её бюджете младшего научного сотрудника, было не густо. Но всё оказалось проще.

Когда Александр Сергеевич (ну, надо же, как Пушкин, отметила Лена) зачем-то рассказал, что он вдовец, живёт один в двухкомнатной квартире, что у него взрослая замужняя дочь, что ему всего 47 лет и нет ли у Елены на примете знакомой одинокой женщины для него?

Лена сразу и не подумала, что ей тонко на что-то намекают, а простодушно, тут же предложила познакомить его со своей 35-летней коллегой у ко-

торой был сын двенадцати лет и которая страстно мечтала выйти замуж.

«А она на вас похожа?» – бросил ещё один пробный камешек Александр Сергеевич.

«Нет. Она темноволосая, небольшого роста, но очень симпатичная...» – начала говорить о коллеге Лена, но тут же прервалась – до неё дошло – это же он к ней сватается! Она смутилась и слегка покраснела.

«Жаль, что на вас не похожа!», – сказал мужчина и спросил в лоб, – «А вы?»

«А что – я?»

«Пойдёте за меня замуж?»

«Как? Прямо так, сразу?»

«Конечно не прямо сейчас!», – засмеялся Александр Сергеевич, – «Сначала я приглашаю вас сегодня вечером на свидание! Согласны?»

«Хорошо», – коротко ответила Лена, а про себя подумала: – «Ну не укусит же он меня, в конце концов. Но двадцать лет разницы...»

...Этот брак уже точно по расчёту. Обсудили с мамой.

«Присмотрись, дочка», – говорила мама, – «у тебя ребёнок. Вот если он твоей Юленьке понравится, тогда и решай».

Прежде чем познакомить Александра Сергеевича с трёхлетней Юленькой, Лена долго думала,

как это всё преподнести дочке. Вечером была очередная встреча, на сей раз у Александра дома.

«А что, Саша, если Юленьке сказать, что ты настоящий папа? Ведь она отца совсем не помнит и на вопрос «где мой папа?», я уклончиво отвечала, что он уехал далеко, а на вопрос «когда приедет?» – отвечала «скоро». Ну, как?»

«Леночка! Да ты – умница! Лучше и не придумаешь! Я боялся тебе говорить о своих намерениях в будущем удочерить Юлю. Не знал, как ты на это согласишься. Но то, что ты сейчас предложила, говорит о твоём серьёзном отношении к моему предложению!»

Этот вечер и ночь решили всё. На предложение остаться, Лена сказала только: «Позвоню, предупрежу маму».

Вот так, ровно, спокойно, в большом уважении друг к другу и потекла их семейная жизнь. Лена с дочкой переехали к Александру, а в комнате осталась жить мама. На лето мама с внучкой уезжали в деревню – там огород, сад, а Лена с мужем приезжали к ним каждый месяц на пару дней.

Была ли это любовь? Со стороны Александра – безусловно. Он души не чаял в своих девочках.

Любила ли Елена? Думала, что любила. Но в большей степени это была благодарность за то, что к Юленьке относился, как к родной, играл с ней,

таскал на закорках, читал сказки на ночь, баловал шоколадками.

Первое время родная дочь Александра не скрывала своей ревности, но когда у неё родился сын и новоиспечённые дедушка и бабушка (а бабушке 30 лет!) искренне радовались этому и оказывали всяческую помощь Кате и Олегу в воспитании Игорька, то сердце Кати оттаяло и в отношениях старших и младших молодожёнов наступил окончательный мир и согласие. Обе семьи с удовольствием ходили друг к другу в гости.

С рождением внука Александр смирился и перестал докучать Елене просьбами: «Давай родим сынишку!» Лена и сама была бы рада, но у неё после рождения Юли, была сложная гинекологическая операция и вопрос о будущих детях был весьма проблематичен.

Так и жили. Ровно. Счастливо. В радости. Юля пошла в школу, училась легко. Затем добавилась музыкальная школа. Девочка была загружена. На всякие глупости у неё просто не оставалось свободного времени. Мама Лены, Мария Степановна, продолжала жить в той же квартире. Там была у неё всего одна соседка — Клавдия Егоровна. Старушки ладили между собой и для остальных жильцов подъезда были просто «Степановна-Егоровна».

Когда не стало Марии Степановны, Лена с мужем хотели обменять два жилья на одну хорошую

трёхкомнатную квартиру, но подходящего варианта не было. Из центра уезжать не хотелось, а оба их жилья были в хороших районах и они решили – пока подрастает дочка, комнату будут сдавать. Так бежало время. Юля закончила музыкальную школу и училась в восьмом классе, когда грянула беда.

Александр стал жаловаться на участившиеся боли в желудке и лёг на обследование. Диагноз оказался страшным – рак. Решились на операцию. Но что-то пошло не так. Не приходя в сознание после наркоза, Александр умер.

Вот это был удар! Как гром среди ясного неба. Не успела Лена отойти от потери матери, как на неё свалилась новая беда. Она моментально как-то пожухла. Из слегка располневшей, светловолосой красавицы, Лена превратилась в убитую горем пожилую женщину...

...Но не зря говорят: «Время лечит». Выручило Елену спасительное: «ни дня без работы, без заботы, без дела». К тому времени, уже будучи заведом, она снова взялась вечерами работать со студентами. Да и материально нужно было теперь надеяться только на себя.

Окончив школу на «четыре» и «пять», Юля легко поступила в местный институт на экономический факультет. И жизнь снова вошла в ровное русло.

О личном счастье Елена уже и не мечтала. На мужчин тратить время не хотелось. Да и что светит сорокалетней? Все стоящие мужчины давно разобраны, а разведённые и свободные редко встречались порядочными – или пьянь, или лодыри, или то и другое вместе. Проще было не заморачиваться совсем. Насчёт женатых у Елены был пунктик: не связываться, в чужие семьи не вмешиваться.

Она становилась всё более сентиментальной. Могла заплакать у телевизора. А фильм «Голубая лагуна» о прекрасной любви юноши и девушки на необитаемом острове стал для неё культовым. Вот так, со своим придуманным «островом любви», и перешагнула Елена сорокалетний рубеж...

...В их городе, расположенном сравнительно близко от Москвы (каких-то 180-200км.), в последнее время, в одном из клубов крупного завода, ежемесячно проходили, так называемые «Устные журналы». На встречи приглашались 4 – 5 человек из Москвы, очень известных в какой-либо сфере деятельности и, в течение нескольких часов шёл мощный поток разнообразной информации. Здесь бывали известные журналисты-международники, политические обозреватели, спортивные комментаторы, бывшие чекисты, писатели, художники, актёры и режиссёры. Попасть на такое мероприятие было нелегко. Билеты распределялись по предприятиям. Поскольку Елена в своём НИИ являлась ак-

тивисткой в общественной работе, то ей эти билеты перепали частенько. Она была прекрасным рассказчиком. И на следующий день после посещения очередного «Устного журнала» весь отдел уже внимательно слушал её.

На последней встрече, во время одного из перерывов, народ окружил в фойе предыдущего оратора и образовалась живая дискуссия. Тема была животрепещущая. В стране начинался развал и думающая интеллигенция была в шоке. Елена обратила внимание на мужчину примерно одного с нею возраста. Среднего роста, невыдающейся внешности, скромно одетый, он особенно доставал своими вопросами лектора. Елена сама стеснялась спрашивать, но внимательно слушала вопросы других и ответы на них. (Нужно же будет рассказывать на работе). «Достоевский» – мысленно окрестила до тошного мужичка Елена. А тот, неожиданно заметив на себе её внимательный взгляд, тоже устоял в упор. Внутренне поёжившись, она выбралась из толпы. Было ещё две страницы журнала. Елена уже давно забыла о «Достоевском», а когда сходила с высоких ступенек здания клуба, вдруг услышала за спиной обращение к себе: «Как вам сегодняшние страницы?» Она вздрогнула и подумала – «Достоевский»! И не ошиблась.

Разговорились. Владимир оказался хорошим собеседником. Они в этот вечер затронули многие

темы, но ничего о личном. На прощание он попросил номер телефона, но своего дать не мог: просто не имел ни телефона, ни жилья – снимал с другом небольшую комнату.

Теперь звонки и встречи были каждый день. Елена почувствовала такой напор, такую мощную энергию, исходящую от Володи, но ни слова о любви, только глубокий взгляд в душу. Решила спросить прямо:

«Володя, я тебе нравлюсь как женщина или как умный человек?»

«Как женщина», – коротко ответил он.

Елена, в душе, было, оскорбилась: ей всегда нравилось, что в ней видели прежде всего её ум, даже остроумие, умение поддержать разговор, её эрудицию. Увы, явного и очевидного она не замечала. Ей попросту не приходило в голову считать себя какой-то этакой. Женщина и женщина. Ну, говорят, что у неё внешность яркая. Ну и что? Во главе угла, считала Елена, должен быть интеллект. И напрасно.

А сейчас она была обижена.

«Мужичок, ты на себя посмотри – мелкий, серенький», – думала она, – «а туда же: женщина его, видите ли, интересуется, а не её ум!»

Но с каждым днём её всё больше тянуло к Владимиру. Поэтому она без колебаний согласилась на выходные дни совершить плавание вниз по Оке на

резиновой лодке. У Володи было всё для такого путешествия: лодка, рюкзак, палатка и прочая туристическая атрибутика.

Путешествие заняло два дня. Было тепло, даже жарко. Лена загорала, Володя был на вёслах. Сначала было страшновато: лодочка надувная, с небольшими бортами, но глядя на спокойно-сосредоточенное лицо Володи, она успокоилась и подрёмывала под тихий плеск вёсел. Во второй половине дня они увидели посреди реки небольшой удлинённый островок. Осмотревшись после причаливания, обнаружили много бурелома. Сначала соорудили костерок, вскипятили чайник и перекусили бутербродами. Затем Володя основательно установил палатку, а Лена решила расширить радиус поиска дров. Натаскав приличную кучу веток к палатке, присела передохнуть. Обустроились. Близился вечер. Ночевать решено было остаться здесь же. Развели костёр, и Лена приготовила вкуснейший суп с тушёнкой. Всё было замечательно. Разговаривали, как ни странно, мало, но всё делали как-то синхронно, словно понимали друг друга без слов. Искупались в ласково-прохладной Оке, поужинали и, подбросив в костёр лесины покрупнее, ушли в палатку.

Лена очень волновалась, боялась предстоящей близости, одновременно желая её. Всё происходило не спеша и настолько естественно, что она просто

не узнавала себя-где её обычная стеснительность и робость? Она была, как в тумане. Создавалось впечатление, что всё происходящее, по-настоящему, впервые. Лена испытала неведомое доселе чувство блаженства. Когда страсти утихли, она неожиданно тихо заплакала.

«Что случилось, Лена? Что-то не так?» – всполошился Владимир, но неожиданно всё поняв, начал целовать её мокрые от слёз глаза и щёки.

«Да ты у меня совсем девочка ещё! А у кого же это тогда два мужа было и дочь выросла?» – весело тормошил он её.

Лена, продолжая чуть всхлипывать, крепко прижалась к нему. «Как же я жила до этого?» – думала она – «Ведь я так и дальше бы жила, не испытывала этого потрясения! Неужели многие женщины так и живут, не зная ничего подобного?» Притихнув у него на груди, она незаметно заснула.

Поутру они решили дальше уже не плыть. Этот остров стал для них всем. Они его исходили вдоль и поперёк. Собирали цветы, Лена плела для обоих венки. Купались до изнеможения. Казалось, что они знают друг друга сто лет. Постепенно Володя рассказал, что много чего испытал в жизни: про неудачную, короткую женитьбу; про то, что перепробовал многие профессии; про службу на сверхсрочной в армии, где ему пришлось побывать в горячих точках и даже получить несколько ране-

ний... В конце концов судьба привела его в этот город, где он встретил её. Как считает – навсегда. Окончательно и бесповоротно. И никаких возражений или отговорок не примет.

... «Остров любви»... Так называли они своё пристанище.

Дальше отношения пошли ещё стремительнее. Вскоре подали заявление в ЗАГС, где Лена неожиданно узнала, что её избранник на десять лет моложе.

Она была в смятении. Но Владимир был настолько взрослым и опытным, не по годам, что она этой разницы не чувствовала, а он ей значения не придавал. Володя переехал к Лене с Юлей. Он настолько естественно вписался в жизнь мамы с дочкой, что никто не испытывал никаких неудобств. Он умел абсолютно всё делать по хозяйству и привёл квартиру в надлежащий вид, через небольшой промежуток времени. Теперь можно было с уверенностью сказать – в доме появился хозяин. Отношения с Юлей складывались легко. Было много юмора, шуток между ними. Иногда Юля его все-таки подкалывала немножко. Но он всё быстро переводил в шуточную плоскость.

...Страна шаталась. Даже не шаталась, а шараясь, разваливалась. НИИ, где работала Лена, ещё держался на плаву, но преобладать стали хозрасчетные темы – требовалась прибыль. На их экспе-

риментальный завод требовались некоторые рабочие специальности и она помогла устроиться туда Володе, вначале слесарем, а затем мастером на опытной площадке, где опробовались различные технологические новинки.

...Вскоре они решили больше не сдавать комнату квартирантам, хотя деньги и не были лишними – всё лихорадило. Зарплату платили нерегулярно. Но обстоятельства сложились так, что вопреки прогнозам врачей, Лена обнаружила, что скоро станет мамой. А это значило, что будущий малыш может мешать Юлиной учёбе, и дочка с удовольствием переехала.

Ей и самой давно уже хотелось пожить самостоятельно, без строгого маминого контроля. Правда, после занятий она частенько заходила, они вместе ужинали, а потом Юля убегала к себе.

...К появлению нового члена семьи готовились основательно. Квартира была вылизана до блеска, всё необходимое приобрели, в общем, ждали.

Дождались. Хотя Лене и пришлось нелегко: и на сохранении лежала, и «кесарево» предлагали сделать, но родила сама, Андрюшку. Все были счастливы. Даже семья дочери покойного Александра, с которой Лена не теряла родственных отношений, искренне радовалась за неё.

...Малыш подрастал. Когда ему исполнилось три года, они втроём совершили новое путешествие на свой «Остров любви».

Потом это стало их семейной традицией.

...Жили трудно, скромно, но счастливо. Негатив, творившийся в стране и разливающийся во-круг, обходил стороной их маленький островок любви и радости, который они создали сами. Елена и Владимир.

ОТСТОЙ

Анна Васильевна приняла валидол, потом таблетку от давления, прилегла и попыталась успокоиться. Ей всё тяжелей и тяжелей приходилось управляться с внуком. Переходный возраст, а Димке исполнилось четырнадцать, всегда и во все времена доставлял родителям немало хлопот. А тут за всех родителей одна бабушка отдувается.

Мама на заработках, в Италии, горшки из под «богатеньких Буратин» таскает; папа как исчез после развода, так и с концами – ни один Мухтар не найдёт; дедушка... того уже давно нет...

«Ты бы книжку что ли почитал, Дима», – начала «старую песню о главном» бабушка, – «Вон какая библиотека! Всю жизнь собирали! И классика, и фантастика, и приключения! Это же в недалёкое время дефицит из дефицитов был! Какой ценой нам эта библиотека доставалась и, в результате что, так и будет стоять?»

Димка молчал, уставившись в экран ноутбука, и только пощёлкивал клавиатурой. Бабушка продолжила:

«Ну чего ты часами торчишь у своего компа? Какую пользу получаешь? Зрение только садишь, да позвоночник гродишь! Ладно бы по делу, а то одни игры да пустая болтовня с приятелями. Ты уже по-русски говорить разучился – сплошной жаргон!»

«Бабуль», – заканючил внук, – «ну что ты мне какой-то отстой предлагаешь? В интернете всё есть: и фильмы, и книги...»

«Вот, вот! Всё у тебя – «отстой»! Может быть и я для тебя тоже «отстой»?»

«Не, бабуль!», – улыбнулся хитровато Димка, – «Ты у меня продвинутая! Вон же, сама, по сайтам лазишь, в «Одноклассе» торчишь и мне же жалуешься, что твои подружки кроме двух кнопок нажать-ничего не умеют больше! А ты – спец у меня!»

«Ну, уж и спец! Спасибо, что научил. Но мне-то, в первую очередь, по моей работе нужно было: заказы делать, текст набирать – живём с этого, вну-ча! Одной пенсии на много не хватит!», – резюмировала бабушка.

«Так маманя же подбрасывает бабла!»

«Подбрасывает. Спасибо ей. А то на что бы мы тот же ноутбук тебе взяли? И стиральную машину и холодильник новый. А я вот и научилась на старости лет не просто кнопки нажимать да на сайтах сидеть, а работу делать, чтобы в том же холодильнике пусто не было! А мамка – молодец! Горбом своим каждую копейку зарабатывает чтобы нам помочь, а ты – «бабло»... Не это «бабло» – сидели бы мы без всего, а так: и хлебопечка, и соковыжималка, и блендер, и телевизор, и тебе разные приспособления к ноутбуку! Домашняя техника нам очень помогает!»

«Бабуль, ну я же тебе тоже помогаю: и мусор выношу, и посуду мою, и убираюсь, и с Жуликом гуляю. Да и со школой у тебя проблем насчёт меня ведь не бывает. А в сети сейчас все сидят».

«Да разве я говорю, что ты у меня плохой? Просто целеустремлённости не вижу: кем хочешь быть, о чём мечтаешь? Сколько я тебе разных кружков предлагала, а ты всё «отстой» да «отстой»!

«А что ты мне предлагала: в туристический, пешеходом с рюкзаком по горам лазить; или в му-

зыкалку, на баянчике играть; или, ещё лохмаче, модели клеить на станции Юных техников... Не, бабуль, неинтересно. Отстой это всё!»

«Нет же, лучше на трубах отопления сидеть и пиво из бутылок сосать!», – завелась не на шутку бабушка, – «Далеко ходить не надо. Вон, в нашем же дворе, посмотрелась и наслушалась! А речь-то какая убогая у этих малолеток – вперемежку с матом!»

«А что им делать? Те же кружки и то теперь платные! А если что-то покруче – спортшкола, например, то вааще! А откуда бабки брать, если работы нет у их родаков, а у кого они и бухают ещё!»

Беседа зашла в тупик и, махнув рукой, Анна Васильевна ушла в свою комнату принимать лекарство, а Димка остался сидеть за своим другом и любимцем «Самсунгом».

Пинчер по имени Жулька, за всё время разговора сидел между ними и только вертел головой то в сторону бабушки, то внука. Когда стороны, не достигнув консенсуса, разошлись, Жулька посидел немного, подумал свою собачью думу и направился к Анне Васильевне. Она уже прилегла на диван и пёсик, примостившись у неё в ногах, положил мордочку на лапы и преданно посмотрел на хозяйку.

«Один ты меня понимаешь, Жулька», – сказала Анна Васильевна и ласково погладила преданного пёсика.

Она немного успокоилась, и постепенно её мысли поплыли в прошлое. В прекрасное прошлое, которое теперь называют застойным периодом империи зла.

Действительно произошла переоценка ценностей. Анне Васильевне вспомнилось интервью с Сергеем Юрьевичем Юрским, её любимым актёром, которое она прочитала в интернете (вот, ведь есть польза от ноутбука). На вопрос о том, интересна ли ему современность, Юрский ответил: «Интересна, но абсолютно чужда. Мне кажется, сегодня имеет место не просто изменённая, а совершенно перевёрнутая с ног на голову шкала ценностей, которая не просто мне, человеку другого поколения кажется неправильной – она неправильна по отношению к самой человеческой природе. Перевёрнутость её для меня очевидна: деньги всегда играли громадную роль в жизни человечества. Насилие, война, присутствовали во все эпохи. Но чтобы всё это заняло всё наше жизненное пространство – такого ещё не было! Моя борьба в том, что я всё ещё не бросил свою профессию, хотя, признаюсь, мне уже трудновато выдерживать тот уровень работы, который требует сцена. Но я работаю – и в этом моё противостояние».

«Какой же он умница!», – в который раз подумала о Юрском Анна Васильевна. Прошрое... Как доступно в «застое» было посещение театров! Анна Васильевна сама себе завидовала, сколько опер и балетов посетила. Неоднократно в Мариинском бывала: «Щелкунчик», «Фауст», «Риголетто»... А когда жила в Свердловске, в оперный ходила регулярно. Он, кстати, на Мариинский похож, только чуть поменьше. Свердловск славился своими театрами, музкомедии и оперным на всю страну. А летом приезжали московские коллективы: театр имени Станиславского, имени Маяковского, имени Ермоловой и другие. «Гамлета» с Эдуардом Марцевичем видела, а в Москве, в Малом, «Ревизора» с Евгением Весником в главной роли. Все выступления балета на льду удалось посетить, а в Ленинграде товстоноговские спектакли; во Львове театр Марии Зиньковецкой; в Одессе, оперный театр. Да и здесь, в Крыму, тоже успела много чего увидеть: и «Берёзку», и Махмуда Эсамбаева и спектакли Крымского русского драмтеатра. Везде билеты были по доступной цене. А теперь... Анна Васильевна мысленно усмехнулась: на пенсию сколько билетов купишь? Только и остаётся в «ящик» смотреть. А там... Вот уж где «отстой» так «отстой»! То голые задницы на сцене мельтешат (их так и прозвали – «поющие трусы»); то показывают по скольку сотен сумочек и туфель у какой-нибудь «звездюльки» по

полкам расставлено, а люди без зарплаты и без работы в это время сидят со своими семьями, на операции умирающим детям с миру по нитке собирают; то сериалы трехсотсерийные зарядят с высо-санным из пальца сюжетом (лишь бы народ от-влечь и мозги запудрить). Вспомнилась сердцещи-пательная «Бедная Настя», где даже горничная, по будним дням, в декольте по самое некуда ходит, и пальцы с французским маникюром...

«Не верю. Не верю. Не верю!» Бедный Стани-славский! Увидев такое, его бы удар хватил.

«Нет. Так не пойдёт. Не распаляй себя, Аня, успокойся». – приказала себе Анна Васильевна и призвала на помощь Луизу Хей: «В бесконечном потоке жизни, частицей которого я являюсь, всё прекрасно, цельно, совершенно. В моём мире всё прекрасно!»

Анна Васильевна успокоилась и сосредоточила своё внимание на небольшом плакатике над кроват-ью, который распечатала из интернета:

«Если ты не можешь изменить обстоятельства, – измени своё отношение к ним». Марк Аврелий.

«Жизнь прекрасна, несмотря ни на что. Надо жить. Я нужна внуку, дочке. Всё будет хорошо». С этими мыслями, умиротворённая Анна Васильевна заснула, чтобы на следующий день проснуться и жить дальше. В этом её противостояние.

**Из цикла
«Теряем что-то безвозвратно»**

МАЛЕНЬКИЕ РАДОСТИ

Всё больше и больше приходится ловить себя на том, что окружающие нас люди разучились радоваться. Понятно, негатива сейчас навалом. И если нашему поколению (и то не всем) удаётся противостоять этому, то детям, подросткам, молодёжи, невозможно самим справиться. Отсюда жестокость по отношению к себе подобным и братьям нашим меньшим, да и к старшим – ни уважения, ни жало-

сти. Что сейчас ребёнка может обрадовать? Разве что крутой «комп» или мобильник последней модели.

Как много маленьких радостей было в нашем послевоенном детстве! Взрослые радовались, что закончилась война, что остались живы, дети радовались даже кусочку сахара.

Мне было годика три, когда к нам на постой поселили трёх солдат, которые в составе сапёрного подразделения, прибыли в наше село для разминирования близлежащих лесов. Это знаменитые Брянские леса, где проходили боевые действия и было мощное партизанское движение. Так вот, нашим солдатам выдавали паёк, из которого мама варила им пищу.

Мы, конечно, не голодали. У нас было молоко и много-много картошки и капусты. Конечно, сахар – это по праздникам, а вот вермишель или лапша... Я и слов-то таких не знала. Но когда мама варила солдатам вермишель или лапшу и заправляла сливочным маслом, у меня кружилась моя кудрявая головёнка и я, глотая слюну, дёргала маму за подол и тихо ей шептала: «Хочу во». Мама долго не могла понять, чего я хочу, пока я не подвела её к чугунку с лапшой. Мама смущённо посмотрела на солдат, обедающих за столом: «Можно?»

«Конечно, конечно!», – все трое заулыбались, закивали и подвинулись на лавке, освобождая ме-

сто счастливой мне. И вот, вооружившись ложкой, – вилок тогда и в помине не было, – я стала уплетать из миски горячую, исходящую паром, сказочную лапшу...

До сих пор ярко помню эту радость, улыбающиеся лица розовощёких солдатиков и умилённое лицо моей мамы...

...Вспоминается ещё. Я скоро пойду в школу. Я уже не буду пасти гусей, рвать лебеду свиньям, а в чистеньком платьице, с сумочкой, полной тетрадок и книжек, зашагаю в школу. Ну когда же, ну когда эта школа? Семь лет мне должно было исполниться в декабре, а школа-с 1-го сентября! Не могла дождаться! И вот оно – это 1-е сентября 1951 года. Сестра мне сшила из кусочков серой саржи и ситца в цветочек, замечательное комбинированное платьице: юбочка из саржи в складочку, рукавчики и грудка из ситца, воротничок и спинка из саржи. О фартучке я тогда и не мечтала. Он у меня появился в третьем классе.

Сумочку мне сшили красивенькую, тоже комбинированную, из цветного плотного плюша или бархата и кусочков кожи, с двумя ручками. Бантик тоже был – из коричневой атласной ленточки.

Вот такая, вся красивая, беленькая, кудрявенькая и очень серьёзная, я переступила порог Храма – двухэтажной деревянной школы. А она у нас была

десятилетка, так как село наше было большое. Ну, а в Храме лик святой – Мария Алексеевна, моя первая учительница: в строгом тёмном костюме с белой кофточкой, на затылке небольшой узел сидящих волос.

Сколько ещё было у меня учителей! А первая – до сих пор помню её лицо. Её давно уже нет, но благоговение перед ней осталось на всю жизнь

...Мама долго не приносила в школу моё свидетельство о рождении. Она специально этого не делала, так как мне не было ещё семи лет. До полных семи мне ещё оставалось целых четыре месяца... А когда мама, уже по глубокой осени, принесла свидетельство и Мария Алексеевна увидела дату рождения и только собралась что-то сказать, как обратила внимание на мои молящие глаза. В них она прочла: «НЕ ВЫГОНЯЙТЕ!!!»

Помолчав и вздохнув, она сказала маме: «Ладно. Пусть учится. Очень уж старательная. У неё одни пятёрки». Помолчала и добавила: «Да. Пусть!»

И вот эту радость ни с чем не сравнимую, я помню и буду помнить до конца своих дней...

ЛИРИКА

ИЗВЕЧНЫЙ ВОПРОС

Когда впервые стих ко мне пришёл
И сердце в исступлении забилося,
Подумала, зачем меня нашёл,
Зачем со мной такое приключилось?

Жила себе и трудно и легко,
Старалась обходить свои препятствия,
Лежали мои страсти глубоко.
Нужно ль мне поэтическое счастье?

Зачем плодить посредственную лиру,
Всё до меня уж сказано давно.
Смогу ль что нового сказать я миру,
А миру до меня не всё ль равно?

Но что же делать, если муки
Сон прогоняют до утра?
Что делать, если тянет руки
Ко мне стремительность пера?

ДВА БЕРЕГА

Древний Понт и Меотида
Омывают город мой.
Вдалеке – Кавказ, Колхида,
Рядом – берег мой родной.

Можно взглядом дотянуться
До российских берегов.
Стоит в волны окунуться-
К Родине поплыть готов.

Сколько здесь всего случилось, –
И не снилось нам порой.
Государство развалилось,
Но душа моя с тобой,

Необъятная Россия!
Я стою на берегу
И большое небо синее
Разделить я не могу!

МОРСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Слова бессильны, звуки слабы,
Восторг души измерить чем?
И что ему потоки славы?
Оно и так владеет всем.
Владеет и душой и телом,
Как только к берегу придёшь,
И нескончаемым пределом
Волненья пробуждает дрожь.
«О, море! В плен берёшь ты с ходу,
Гипнотизируешь сердца.
Качаешь лодки, теплоходы,
Без края ты и без конца.
Тебе талант свой посвящали
И так велось из века в век...»
Но сколько горя и печали
От моря принял человек!
О, сколько их в морской пучине
Нашли бессмертье иль позор,
И сколько тайн хранит поныне
Морской волнующий простор!
«Мы так нужны друг другу, море,
Мы кровно связаны с тобой.
Дари нам счастье, но не горе,
Источник радости живой».

ОСЕНЬ

Наступила осень золотая:
Нет жары, нас мучившей порой,
Листопада пляска огневая
Поражает красками игрой.

Как напоминание о лете
Пламенеет сальвии пожар.
Хризантемы сочные соцветья –
Осени прекрасный, чудный дар.

Соткано из тонких паутинок
Бабье лето – осени портрет.
Разноцветьем ярких золотинок
Посылает лето свой привет.

И хотя дожди нас ждут и слякоть,
Не покинет сердце светлый луч.
Небеса не будут вечно плакать,
Выйдет солнце из-за хмурых туч.

* * *

Каждая женщина-чудо природы,
Неповторимая в своей красе.
Ей дифирамбы поют все народы,
Ну, а мужчины, влюбляются все.

Жить без любви очень пресно и скучно.
Лучше, сгорая в порыве страстей,
Выстроить жизнь свою очень искусно,
Чем замыкаться в скорлупке своей.

Пусть даже слёзы порой навернутся,
Пусть поболит и поноет душа.
Надо, проснувшись, себе улыбнуться,
Дать установку: «Ведь жизнь хороша!»

Помните! Бог никого не забудет
И посылает преграды в судьбе
Только тому, кого искренне любит,
Чтоб закалить его душу в борьбе.

* * *

Ах, как хочется порою
В годы юности вернуться
И с щемящею тоскою
В волны детства окунуться.

Но нельзя, мы это знаем,
Жить одним воспоминаньем.
Всей душою понимаем:
Мы сейчас хотим вниманья,

И любви, и веры чистой,
Дружелюбных отношений
И поддержки оптимиста,
И желаний исполнений.

ГИМН ЛЮБВИ

Верим в сказку, верим в чудо
Каждый раз под Новый год,
Что волшебник златокудрый
Нам удачу принесёт.
Но успеха не добиться,
Сидя молча в стороне.
В дело следует влюбиться,
Чтоб всегда быть на коне,
Жизнь любить и цель поставить,
И идти упрямо к ней.
Вам энергии прибавить
Сможет мощный Гименей.
Коль любовь вам жизнь осветит,
Упивайся ею всласть.
Всё сбывается на свете,
Ведь любовь имеет власть.

НОВОГОДНЕЕ

Ещё один виток прокручен
И канул в Лету трудный год.
А мы стоим над самой кручей,
С надеждой смотрим мы вперёд.

Каким он будет год грядущий?
Поменьше б горя и невзгод...
Я свято верю-год идущий
Удачу, радость принесёт.

А как же жить без этой веры,
Что победит всегда добро?
Раскройте, люди, шире двери,
Дарите радость и тепло.

Чем больше мы тепла излучим.
Теплом согреем мир кругом,
Тем больше свыше мы получим,
Душой светлея с каждым днём.

* * *

Вот ещё один виток планеты
Отсчитала матушка Земля.
Вместе с ним закаты и рассветы
Промелькнули в прошлом бытия.

Новый год стучится у порога,
Он несёт Надежду и Любовь.
И какой бы не была дорога,
На неё вступаем вновь и вновь.

Так летят века, тысячелетья,
Каждый год с листа календаря...
Но упрямо не хочу стареть я.
Хочу верить, что живу не зря.

Этой детской верой переполнен
Сердца моего священный груз.
До отказа каждый день наполнен.
Только быть непонятой боюсь...

* * *

Мы купили хлебопечку,
Этот чудо-автомат
И теперь у нас на кухне
Бесподобный аромат!
Он напомнил годы детства,
Когда голод был кругом,
Испечённый в русской печке
Делал сытым целый дом.
Чёрный хлеб, – причём горбушка...
И парное молоко...
И жилось тогда хоть трудно,
Но счастливо и легко!

ТЕБЕ

Горит от поцелуев тело...
Что для него житейский тлен?
Оно ведь так давно хотело
Попасть в твоих объятий плен.
Ты на пути мне встал преградой,-
Не отойти и не свернуть.
Господь мне дал тебя в награду
За мой тернистый, трудный путь.
Ты так негаданно-нежданно,
Собою заслонил весь свет.
Такой единственный, желанный,
И без тебя мне жизни нет!

ДЕНЬ 8 МАРТА

Что желают нам мужчины
В этот светлый, чудный день?
Чтоб разгладились морщины,
Не коснулась чтобы тень
Злого лиха и невзгоды
Наших чистых, добрых глаз,
Чтобы вихри, непогоды
Не обрушились на нас.
Искренне желают счастья
Ласки, нежности полны.
Но откуда все напасти?
Вашей нет ли в том вины?
Кто приносит нам страданья,
Горьких радостей глоток,
Детский лепет оправданья,
Неприятностей поток?
Ах, слова! Когда ж до дела
У мужчин дойдёт черёд?
Душу женскую, не тело,
Наконец, возьмут в зачёт?
И когда ж о женской доле
Перестанем горевать?
Ведь у каждого есть в доме
Дочь, жена, невеста, мать.
Раз взялись вы балом править
И страной руководить,-
Женщину не надо славить,
Дайте просто ею быть!

КОШАЧЬЯ ИДИЛЛИЯ

У нас в доме четыре кота:
Пуша, Пиня, Антошка, Ерошка
И ещё есть одна красота –
Это Пандочка, лапочка-кошка.

Задают нам вопросы: зачем
Вам в квартире котов поголовье?
И кормить их приходится чем,
О кошачьем заботясь здоровье?

Мы вопросы людей понимаем, –
Невелик пенсионный доход.
Иногда молоко покупаем,
Рыба с кашей у них круглый год.

Тяжело бессловесным котам,
Лишь мурчат, но всё-всё понимают.
В благодарность, когда плохо нам,
Своей ласкою стрессы снимают.

Мы теперь как большая семья:
Пуша, Пиня, Антошка. Ерошка,
Муж мой, внучка Маришка и я,
А ещё – наша Пандочка, – кошка!

Мужу Сергею

* * *

С Днём рожденья, любимый,
Мой родной человек.
Мной и Богом хранимый,
Повенчанный навек.

Никакие напасти
Нам с тобой не страшны.
Наше тихое счастье-
Жить в объятьях Весны.

СЫНУ

Ты далеко, но рядом ты незримо,
Мы даже чувствуем твоё дыханье.
Старо, как мир, неотвратимо
Детей взросленье, их непониманье.
И так за поколеньем поколенья
Накручивает за витком виток.
Хотим, наш сын, чтобы твоё взросленье
Для нас давало воздуха глоток,
Чтоб никогда беды не приносило,
Лишь радость, гордость за тебя, сынок,
Чтоб жизнь тебе объятия открывала
И никогда б ты не был одинок.
Родившись в феврале под знаком Водолея,
Талантом и судьбой чтоб не был обделён,
Чтоб жизнь прожил ты ни о чём не сожалея,
Чтоб был твой путь Всевышним освещён.

ТУМАН.

На город наш напал туман,
Я ничего не вижу.
Наш дом украл, украл туман!
Но подхожу я ближе:

И вот – наш дом! И вот – наш сад,
И вот – моя скамейка!
Я их нашёл! Я очень рад!
Но где же, где Андрейка?

Андрейка – братик мой родной –
Мы вместе с ним гуляли.
Но нас накрыл туман густой –
Друг друга потеряли.

Кричу братишке я: «Андрей,
Куда ты подевался?»
Он выглянул из-за ветвей:
«С туманом заигрался!»

ОДА ЛЮБИМОМУ АРОМАТУ

«J'ADORE». Тебя люблю и обожаю.
Ты-воплощение несбывшейся мечты.
В твоих объятиях, как снежинка, таю.
Во сне, в огне, во мне – повсюду ты.

Твой аромат волной неотразимой
Окутал шею, плечи, каждый жест
И притяжения твои необъяснимы.
Ношу тебя, как самый светлый крест.

К тебе нельзя остаться равнодушным!
Каким же дальновидным был Диор!
С тобой мы женственны,
 роскошны и послушны.
О, что ты с нами делаешь, «J'ADORE»!

КРИК ДУШИ

Навеяно х/ф «Помни имя своё»

Мальчик картошку жуёт на экране...
Быстро, затравленно-жадно жуёт,
А маме, за дверью стоящей маме,
К ручонкам холодным прижаться б губами...
Но даже этого Бог не даёт.

А завтра разлука. Надолго разлука.
И, как безумная, мать бежит,
К бараку детскому тянет руки
И в исступлении кричит:

«Запомни имя, сыночек, – Гена!
И Родину нашу – Советский Союз»!
Её по рукам бьют, лицу и коленям,
Струится кровь из бескровных уст...

...Всё это нам с экрана рассказали
И ни на день забыть мы не должны,
Глаз матерей, ослепших от печали,
В глазах детей, застывший страх войны.

Промчались с той поры десятилетия.
К чему мы в «светлом будущем» пришли?
Всё чаще на экран боюсь смотреть я:
Как до такого мы дожить смогли?

Нам каждый день телеэкран вещает
Про катастрофы, беззаконье, беспредел.
И никого как будто не смущает,
Что в нищете мы видим свой удел.

Что детские, печальные глазёнки,
О помощи кричат, что жить хотят.
Лишь только отошли у них пелёнки,
А дети смерти уж в лицо глядят.

На операции, безбожно дорогие,
По крохам собирает наш народ.
И тут же видим мы дворцы крутые,
Шеренги «иномарок» у ворот.

Как мы дошли до этого предела,
Когда бомжует старый ветеран?
Правительству как будто нет и дела,
Что процветают взятки и обман.

Как надоела ложь теледебатов.
Там обсуждают, как нам дальше быть.
А вы смогли бы, дорогие депутаты,
На сотню евро целый месяц жить?

Ушедшим навсегда родным и близким

«Уж сколько их упало в бездну...»

Марина Цветаева.

Уж сколько вас упало в бездну
И пухом стала вам земля...
Но не исчезли вы бесследно,
Пока жива душа моя.

Друзья, знакомые, родные –
Вас буду помнить до конца,
Дела минувшие, земные,
И очертания лица.

Улыбки, встречи, огорченья –
Всё было в жизни на Земле.
Лишь вечности прикосновенье
Теперь осталось на челе.

У нас у всех удел суровый:
Родиться, жить и умереть.
Как хочется прожить толково!
Бесследно только б не сгореть.

Оставить след едва заметный,
Наполнить радостью сердца,
Быть вехой на пути, приметной,
Не ждать печального конца...

Литературно-художественное издание
Молодцова Марина Васильевна

«Крупинки радости»
проза, лирика

на русском языке

Редактор: Вдовенко А. Н

макет, корректура: Т.Левченко

Иллюстрации: интернет

обложка: Сергей Молодцов (мл.)

«Лира Боспора»

Формат 84х63 1/32. Заказ № 71

Бумага офисная Печать цифровая.

Усл.-печ. л. 2,5. Тираж 100 экз.

Дизайн, макет: Татьяна Левченко,

«Керченское городское литературное
объединение «Лира Боспора»

... надо не только самому находить
маленькие радости, но и делиться ими
с окружающими.
Так и возникла необходимость
поделиться этой темой с вами,
дорогие читатели.

Марина Молодцова.

